

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» /
SECTION “PHILOSOPHY OF SCIENCE”

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) / PHILOSOPHY OF RELIGION
AND RELIGIOUS STUDIES (HISTORY)

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 40. С. 64–70

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 291.1

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.64>

**«Мания основ»: психологические аспекты
современного фундаментализма**

Д. А. Головушкин*

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты психологии современного фундаментализма. В исследовательской литературе этот феномен традиционно понимается в качестве ответной реакции на секуляризацию, секуляризм и модернизм. Однако в статье показывается, что сегодня это скорее ответ на плюрализм и релятивизм, который выражается в поиске «смыслов» и «основ» бытия в условиях мировоззренческой неопределенности / «новой необозримости» (Ю. Хабермас).

Ключевые слова: модернизация, секуляризация, постмодернизм, плюрализм, релятивизм, фундаментализм, постфундаментализм.

Для цитирования: Головушкин Д. А. «Мания основ»: психологические аспекты современного фундаментализма // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 64–70. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.64>

Original article

**“Mania of the Foundations”: Psychological Aspects
of Modern Fundamentalism**

D. A. Golovushkin*

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article deals with some psychological aspects of modern fundamentalism. In research literature this phenomenon is traditionally understood as a reaction to secularization, secularism and modernism. However, as illustrated in this article, today it is rather a response to pluralism and relativism in search of “meanings” and “foundations” of being in the context of worldview uncertainty/ “new boundlessness” (J. Habermas). Due to this background and new tasks modern fundamentalism is substantially transformed. It does no longer emphasize the returning to the “foundations” of religion:

© Головушкин Д. А., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

sacred texts, theological basis of the doctrine (orthodoxy) or to the religious and civilizational foundations of unity. It desires restoration or a new creation of the “proper”, taken on faith, understanding of the reality after the relativization. Therefore it may not refer only to the religious movements but also to the secular ideologies. This new quality of the modern fundamentalism allows to interpret/understand it metaphorically as the “mania of the foundations”, which is an additional optics and a theoretical and methodological toolkit for studying religious fundamentalism in the context of transformation of religion in general.

Keywords: modernization, secularization, postmodernism, pluralism, relativism, fundamentalism, postfundamentalism.

For citation: Golovushkin D.A. “Mania of the Foundations”: Psychological Aspects of Modern Fundamentalism. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 40, pp. 64-70. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.64> (in Russian)

В последнее десятилетие многие известные исследователи фундаментализма все чаще задаются одним и тем же дискуссионным вопросом: насколько уместно использовать термин «фундаментализм» применительно к априори агрессивным религиозным группам, оппозиционным социально-политическим движениям, ссылающимся на религию, а также к светским идеологиям, предлагающим «определенность»? Они не вписываются ни в границы «протестантской матрицы», ни в парадигму богословского фундаментализма, не являются фундаментализмом, выступающим за возвращение к религиозно-цивилизационным основам единства. Очевидно, что сегодня мы имеем дело с чем-то новым, не отвечающим критериям фундаментализма начала XX в. или фундаментализма 1970–1990-х гг. В этих движениях, как заметил Г. Мансон, четко прослеживается «фундаменталистский импульс», но к ним проблематично применять термин «фундаментализм», что исследователь предпочитает и не делать [11, р. 34].

Однако еще Дж. А. Карпенгер справедливо отмечал, что фундаментализм – это развивающаяся идеология и термин «фундаментализм» может применяться в более общем смысле для описания религиозных и культурных явлений [7]. Поэтому не случайно современный фундаментализм имеет приставку «пост-» и все чаще определяется как фундаментализм «третьей волны» [2]. Пройдя через «горнило секуляризации» и «гетто секуляризма», он обогатился элементами различных нерелигиозных идеологий и мировоззрений, таких как национализм, либерализм, марксизм, утилитаризм, глобализм, монетаризм, технократизм и др. [12], и вышел в постсекулярный мир уже в новом обличье. Можно сказать, что это фундаментализм после фундаментализма, который априори не может быть концептуализирован в границах «нулевой степени» религиозного термина. Как образно заметил П. Н. Костылев, «на месте религии в кресле понтифика оказалась совершенно иная, на наш взгляд, не имеющая пока что ни точного названия, ни внятного определения, сущность (или сущности). Фактически, следует говорить об оборотне, Верлиоке» [3].

С чем же мы сегодня имеем дело и как распознать того, кто занял «кресло понтифика»? Прояснить этот вопрос/вопросы помогут последовательные эмпирические выводы психологии религии, которая делает акцент не столько на базовом функционировании личности, сколько на проблемах идентичности человека, смысла его жизни и чувства структуры [8, р. 84–85].

Обращаясь к проблеме современного религиозного фундаментализма, известный американский социолог П. Бергер в своей работе «Между релятивизмом и фундаментализмом» обратил внимание на один очень важный аспект модернизации, который ранее не выходил на первый план. В 1970-е гг. ее главной составляющей считалась так называемая теория секуляризации, которая предполагала, что чем больше общество становится современным, тем меньше оно будет религиозным. Эта точка зрения была выдержана в русле проекта Просвещение, который прогнозировал упадок или падение религии. Однако теория ошиблась. И ошиблась она в значительной степени из-за догматизации теории конвергенции и идеологизации секуляризма как некой культурной программы. Но П. Бергер имел мужество признать этот факт и сделать новое заявление: «Современность не обязательно секуляризирует, однако она обязательно плюрализирует» [6, р. 3].

Что это значит? А это значит, что на протяжении большей части человеческой истории большинство людей жили в сообществах, в которых существовал очень высокий уровень консенсуса в отношении основных когнитивных и нормативных установок. Плюрализм и идущий за ним новый коллективный опыт (миграционные процессы, мультикультурализм, сексуальная революция и др.) ставят их под сомнение, а значит, релятивизируют должное / этосы. Они делают это как институционально, так и на уровне индивидуального сознания. Этот сдвиг хорошо описан А. Геленом в двух ключевых категориях «деинституционализация» и «субъективизация». Деинституционализация относится к процессу, в котором традиционные институциональные программы индивидуального поведения фрагментированы: где раньше существовала одна взятая на вооружение программа, скажем по воспитанию детей, там сейчас существуют конкурирующие школы детского образования. Субъективизация относится к процессу, когда институты теряют свой предполагаемый объективный статус, вследствие чего человек отбрасывается назад к самому себе и вынужден самостоятельно выстраивать свое «локутное одеяло» смыслов и норм. Поэтому в настоящее время существует огромный рынок мировоззрений и морали. Очевидно, что эта релятивизация только усиливается по мере распространения и углубления глобализации.

В результате П. Бергер приходит к заключению, что «модернизацию можно охарактеризовать как гигантский сдвиг в состоянии человека от судьбы к выбору... Для многих людей, по крайней мере на ранней стадии данного процесса, это изменение воспринимается как великое освобождение. Но через некоторое время оно может быть воспринято как бремя, от которого человек хочет освободиться. За этим часто следует отчаянное стремление к уверенности, а там, где есть спрос, всегда будет предложение» [6, р. 6].

Именно сюда приходят фундаменталисты. Потенциальным новообращенным они всегда предлагают один и тот же рецепт: «Присоединяйтесь к нам, и мы дадим вам уверенность в том, во что верить, как жить и кто вы есть». Это заметил еще Э. Фромм, когда в «Бегстве от свободы» писал: «Свобода, хотя она принесла ему (человеку. – Д. Г.) независимость и рациональность, сделала его изолированным и тем самым тревожным и бессильным. Изоляция

невыносима, и альтернативы, доступные ему, – или бегство от тяжести свободы в новую зависимость и подчинение, или продвижение к полной реализации позитивной свободы, основанной на уникальности и индивидуальности человека» [5, с. 8].

Автор бестселлера «Третья волна» Э. Тофлер также указывает на то, что жажда смыслов и поиск «основ» бытия – это главная причина возникновения и распространения современного фундаментализма, в том числе фундаментализма новых религиозных движений и культов: «Формируется новая цивилизация... Тем временем миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно дало бы ощущение близости или экстаза, привело бы их к более «высокому» состоянию сознания... Воссоздание общности, однако, следует рассматривать только как малую часть большого процесса. Ведь распад институтов Второй волны разрушает также структуру и смысл нашей жизни. Людям нужна структура жизни. Жизнь, в которой нет четкой структуры, – это крах. Без структуры начинается распад. Структура обеспечивает относительно фиксированные точки отсчета, которые нам необходимы» [4, с. 577, 579, 590].

Таким образом, современный фундаментализм вырастает из намерения восстановить или создать заново взятый за основу набор верований или ценностей в условиях неопределенности / «новой необозримости» (Ю. Хабермас). Это дает основание П. Бергеру определить его как «восстановление, или создание *de novo*, принятого на веру понимания реальности после релятивизации» [6, р. 9]. Данное определение, с одной стороны, значительно расширяет границы фундаментализма – оно может относиться не только к религиозным движениям, но и к светским идеологиям (радикальный национализм, тоталитаризм, секуляризм и др.), поскольку «основой» / «структурой правдоподобия» может быть любой проект, в том числе само общество: «Более амбициозный вариант фундаментализма заключается в том, чтобы сделать все общество основой (в социологической терминологии – структурой правдоподобия) нового, принятого за дарованное, когнитивного и нормативного порядка. Именно к этому стремится современный тоталитаризм» [6, р. 9]. С другой стороны, оно сохраняет за фундаментализмом его «родовой признак» – верность «основам», что указывает на то, что мы имеем дело именно с фундаментализмом.

Выявленная специфика современного фундаментализма предполагает серьезные сдвиги на уровне базовых понятий. В новом контексте понятие «фундаментализм» неизбежно наполняется новым содержанием. При этом никто из исследователей не отрицает «нулевую степень» понятия «фундаментализм», как и тот факт, что одновременно оно становится понятием предикативным, т. е. изъятым из определенного контекста и помещенным в контекст новый. Не случайно А. В. Митрофанова, говоря о настоящем и будущем православного фундаментализма, приходит к радикальному выводу, что уже сегодня мы имеем дело с новой идеологией, которая по традиции еще называется «фундаментализмом», хотя ей следовало бы дать другое название: «То, что мы называем “фундаментализмом”, – это новая идеология, стремящаяся

решить острые проблемы современности. Религиозная природа этой идеологии заслоняет ее новизну, поскольку постоянные ссылки на традиции делают ее похожей на разновидность консерватизма. Эта идеология глобальна, не смотря на то, что основана на разных религиях» [10, р. 104].

Поэтому П. Бергер, несмотря на оговорку, что частица «не» обозначает бездну различий, называет современный фундаментализм «нетрадиционным»: «Каким бы традиционным ни был его риторический характер, фундаментализм по своей сути является современным явлением; это не традиция» [6, р. 7].

Я также определяю фундаментализм «третьей волны» как «фундаментализм без традиции / ортодоксии». Это диалектический момент культуры позднего модерна, в котором преодолевается религиозная традиция и происходит отказ от богословской основы вероучения (ортодоксии). Однако современный фундаментализм продолжает дискурс об «основах» и «возвращении». Правда, теперь он «изобретает эти “основы” и это “возвращение”» [2, с. 86].

Вывод о том, что краеугольным камнем современного фундаментализма является релятивизм, находит свое подтверждение и в специальных исследованиях по психологии фундаментализма. Так, по мнению индийской исследовательницы Р. Хенсман, современный религиозный фундаментализм – это прежде всего «цепляние за определенность». Она считает, что «фундаментализм обеспечивает именно это бегство от свободы. Его требование беспрекословного принятия определенных убеждений обещает избавление от неопределенности, даже если оно лишает человека свободы совести и выражения... Насилие, скрытое – а иногда и явное – в фундаменталистских движениях, проистекает из невозможности полностью изгнать сомнения и, следовательно, из необходимости подавлять их всякий раз, когда они появляются» [9].

Известный специалист по фундаментализму К. Армстронг также делает акцент на страхе людей перед растущей неопределенностью будущего. Уничтожение культуры, самобытности, языка, дома сегодня стало уже не гипотетической возможностью, а глобальной реальностью: «Важно понимать, что почвой этих теологий и идеологий служит страх. Стремление определять доктрины, очерчивать границы, возводить стены и обособлять верующих в священный анклав, где строго соблюдается закон, растет из того страха перед уничтожением... Эта битва за Бога была попыткой заполнить бездну в душе общества, основанного на научном рационализме» [1, с. 422, 424]. В результате ученый сравнивает фундаментализм с «глубинным неврозом», который «невозможно развеять разумными доводами или искоренить насильственными методами» [Там же, с. 423].

Наконец авторы междисциплинарного исследования «Психология религиозного фундаментализма» Р. В. Худ-младший, П. К. Хилл, В. П. Уильямсон приходят к выводу, что современный религиозный фундаментализм подпитывает всеобщая «озабоченность смыслом». На этом фоне он позиционирует себя как «систему смыслов», предлагая объединяющую философию жизни, чувство структуры и индивидуальной судьбы: «Мы считаем, что смысл, который фундаменталисты извлекают из своих религиозных убеждений, – это то, что позволяет им сохраняться в негостеприимной культуре. Это создает для

них способ интерпретации мира, а также себя по отношению к этому миру. Эта система смыслов охватывает всю жизнь и вызывает сильные чувства, поскольку затрагивает вопросы вечной важности. Фундаментализм также обеспечивает основу для мотивации и в процессе этого помогает удовлетворить несколько личных потребностей в смысле, таких как цель, ценность, эффективность и самоуважение» [13, р. 5, 34].

Эти особенности современного фундаментализма, специфика его психологии позволяют говорить нам о том, что сегодня мы имеем дело с фундаментализмом как «манией основ». Он берет под полномасштабную защиту любые идеи и ценности, которые задают «смысл» или «должное». Это очень специфический тип ответа на релятивизм и неопределенность современности – чаще всего религиозно окрашенный, амбивалентный, воинствующий и нетерпимый. При этом его подлинная цель состоит не в том, чтобы сделать духовные ценности преобладающими в обществе, а в том, чтобы обеспечить чувство безопасности и значимости.

Сложность современной ситуации заключается в том, что фундаментализм и релятивизм как культурные и психологические силы очень тесно взаимосвязаны. Это происходит потому, что в каждом релятивисте рождается фундаменталист, жаждущий «основ», а в каждом фундаменталисте – релятивист, ожидающий освобождения от «основ». Более того, релятивизм и фундаментализм являются неотъемлемыми продуктами процесса модернизации, а следовательно, идиома «фундаментализм – релятивизм», по сути своей, есть современный феномен воспроизводимого перехода к крайностям. А это значит, что крайности / господство крайностей – это наша ближайшая перспектива.

Список литературы

1. *Армстронг К.* Битва за Бога: История фундаментализма. М. : Альпина нон-фикшн, 2017. 502 с.
2. *Головушкин Д. А.* От посттрадиционного фундаментализма к фундаментализму без ортодоксии: к проблеме «третьей волны» религиозного фундаментализма в современном мире // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1, Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. № 93. С. 77–90.
3. *Костылев П.* Танго для узурпатора // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Tango-dlya-uzurpatora> (дата обращения: 21.02.2022).
4. *Тоффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.
5. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М. : АСТ, 2019. 288 с.
6. *Between Relativism and Fundamentalism: Religious Recourses for a Middle Position* / ed. by P. Berger. Grand Rapids : William E. Eerdman's, 2010. 224 p.
7. *Carpenter J. A.* Revive us again. The reawakening of American fundamentalism. New York : Oxford University Press, 1997. 335 p.
8. *Funke D.* Das halbierte Selbst: Psychische Aspekte des Fundamentalismus // Die verdrängte Freiheit. Fundamentalismus in den Kirchen / hrsg. von Hermann Kochanek. Freiburg : Herder, 1991. pp. 83–93.
9. *Hensman R.* Religion, Fundamentalism and Violence. URL: https://www.researchgate.net/publication/337673238_Religion_Fundamentalism_and_Violence (дата обращения: 21.02.2022).
10. *Mitrofanova A. V.* Orthodox Fundamentalism: Intersection of Modernity, Postmodernity, and Tradition // Orthodox Paradoxes: Heterogeneities and Complexities in Contemporary Russian Orthodoxy / ed. by K. Tolstaya. Leiden : Brill, 2014. P. 93–106.
11. *Munson H.* 'Fundamentalism' ancient & modern // Daedalus. 2003. Vol. 132, N 3. P. 31–41.

12. Riesebrodt M. Die fundamentalistische Erneuerung der Religionen // Fundamentalismus. Politisierte Religionen / K. Kindelberger, Hrsg. Potsdam : Brandenburgische Landeszentrale für politische Bildung, 2004. P. 10–27.

13. The Psychology of Religious Fundamentalism / by Ralph W. Hood, Jr., Peter C. Hill, W. Paul Williamson. The Guilford Press, 2005. 247 p.

References

1. Armstrong K. *Bitva za Boga: Istoriya fundamentalizma* [The Battle for God. A History of Fundamentalism]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2017, 502 p. (in Russian)

2. Golovushkin D.A. Ot posttradicionnogo fundamentalizma k fundamentalizmu bez ortodoksii: k probleme “tret'ej volny” religioznogo fundamentalizma v sovremennom mire [From post-traditional fundamentalism to fundamentalism without orthodoxy: the problem of the “third wave” of religious fundamentalism in the present-day world], *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1, Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies], 2021, vol. 93, pp. 77-90. (in Russian)

3. Kostylev P. *Tango dlya uzurpatora* [Tango for the Usurper]. *Russkij zhurnal* [Russian Journal]. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Tango-dlya-uzurpatora> (date of access: 21.02.2022).

4. Toffler E. *Tretiya volna* [The Third Wave]. Moscow, AST Publ., 1999, 784 p. (in Russian)

5. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Moscow, AST Publ., 2018, 288 p. (in Russian)

6. Berger P. (ed.). *Between Relativism and Fundamentalism: Religious Recourses for a Middle Position*. Grand Rapids, William E. Eerdmans, 2010, 224 p.

7. Carpenter J.A. *Revive us again: The reawakening of American fundamentalism*. New York, Oxford University Press, 1997, 335 p.

8. Funke D. Das halbierte Selbst: Psychische Aspekte des Fundamentalismus [The Halved Self: Psychic Aspects of Fundamentalism]. *Die verdrängte Freiheit. Fundamentalismus in den Kirchen*. Hrsg. von Hermann Kochanek. Freiburg, Herder, 1991, S. 83-093. (In German)

9. Hensman R. Religion, Fundamentalism and Violence. Available at: https://www.researchgate.net/publication/337673238_Religion_Fundamentalism_and_Violence (date of access: 21.02.2022).

10. Mitrofanova A.V. Orthodox Fundamentalism: Intersection of Modernity, Postmodernity, and Tradition. *Orthodox Paradoxes: Heterogeneities and Complexities in Contemporary Russian Orthodoxy*. Ed. by K. Tolstaya. Leiden, Brill, 2014, pp. 93-106.

11. Munson H. ‘Fundamentalism’ ancient & modern. *Daedalus*, 2003, vol. 132, no. 3, pp. 31-41.

12. Riesebrodt M. Die fundamentalistische Erneuerung der Religionen [The Fundamentalist Renovation of Religions]. *Fundamentalismus. Politisierte Religionen*. Hrsg. von K. Kindelberger. Potsdam, 2004, s. 10-27. (In German)

13. Hood Jr. R.W., Hill P.C., Williamson P.W. *The Psychology of Religious Fundamentalism*. The Guilford Press, 2005, 247 p.

Сведения об авторе

Головушкин Дмитрий Александрович

доктор философских наук, доцент,
кафедра истории религий и теологии
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
Российская Федерация, 191186,
г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
e-mail: golovushkinda@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5705-9164

Information about the author

Golovushkin Dmitriy Alexandrovich
Doctor of Sciences (Philosophy), Associate
Professor of the Department of History of
Religions and Theology
Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moyka emb., St. Petersburg, 191186,
Russian Federation
e-mail: golovushkinda@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5705-9164

Статья поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 01.06.2022
The article was submitted February, 22, 2022; approved after reviewing April, 18, 2022; accepted for publication June, 01, 2022